

След блокады в наших сердцах

Кто бывал в Ленинграде, знает: до сих пор на одном из домов главной транспортной артерии Северной столицы — Невском проспекте в память и назидание потомкам оставлена испещрённая осколками снарядов табличка, предупреждающая о том, что эта сторона улицы наиболее опасна при артобстреле. Понятны ли эти скупые слова современной молодёжи? Хочется верить, что понятны, иначе, откуда рядом с ней в любое время года — живые цветы...

Когда мы говорим о викториях русского воинства, то вспоминаем Куликовскую, Полтавскую, Бородинскую, Сталинградскую битвы. Но подвиги простого народа не уступают громким боевым победам. Это и упорство жителей Козельска, противостоявших монгольской орде, и самоотверженность горожан, ведомых Мининым и Пожарским на борьбу с поляками, и народное сопротивление французам жестокой зимой 1812 года. Но есть одна особая страница отечественной истории, оплаченная тысячами жизней простых людей и оплаканная миллионами, имя которой — БЛОКАДА — имя страшное и беспощадное.

Сегодня, когда со дня снятия блокады прошло 70 лет, нам особо дороги воспоминания наших сотрудников (и уже ушедших из жизни, и ныне здравствующих) — переживших блокаду и участников обороны Ленинграда.

Санструктор разведроты Александр Васильевич Борисенко, награждённый медалью «За оборону Ленинграда», в своих воспоминаниях пишет:

«Перед моим мысленным взором проходит картинка блокадного Ленинграда. Тяжёлое было время. Но никогда не падали духом бойцы и командиры. В любых, даже крайне трудных условиях, думали не о себе, а о нашей общей цели — отстоять город. Много месяцев мы держали оборону на подступах к Ленинграду. Обороняли город наши воины мужественно, проявляя массовый героизм. Не щадя своей жизни, они боролись с ненавистным врагом. И радостным событием был этот прорыв блокады. Много тогда погибло наших бойцов и командиров во имя победы».

На Ленинградском фронте сражались также сотрудники ИГД Аркадий Иванович Перьев (старшина, разведчик) и Николай Леонидович Поляринов-Лысов (лейтенант, танкист), также удостоенные медали «За оборону Ленинграда». Последний так описывает боевую обстановку: «На участке фронта, занимаемом нашим соединением, было тогда так называемое «затишье». В сводках Совинформбюро в те дни сообщалось: «На Ленинградском фронте без существенных изменений. Идут бои местного значения, поиски разведчиков, артиллерийская перестрелка». Эта «тишина» была горячей боевой работой для разведчиков. Командование армии поставило перед нами оперативную задачу: разведать оборону врага. Разведгруппа, которую возглавлял я, состояла из 14 человек, добровольно шедших на это задание. Мы основательно готовились к этой операции в тылу, «репетировали» на местности, схожей с участком фронта. Тщательная подготовка нашей разведгруппы дала желаемые результаты в выполнении поставленной командованием задачи».

Переживший блокаду Герман Анатольевич Ведюшкин (к.т.н., зав. сектором лаборатории автоматизации СКБ прикладной геодезии), силой своего стихотворного таланта как нельзя лучше погружает нас в атмосферу невероятной стужи и жути зимы 1941, когда упавших некому было поднять, а умерших складывали штабелями прямо на улице вдоль домов...

Вот что вспоминает житель блокадного Ленинграда (с первого до последнего дня находившийся в городе) Валерий Егорович Миренков (главный научный сотрудник, д.т.н., профессор, учёный секретарь института в 1993—2003, заведующий лабораторией механики горных пород (2003—2009)):

«Во время войны наша семья — отец Егор Савельевич, мать Лидия Ивановна и старший брат Александр — находилась в городе Ленинграде. Папа, инженер-машинистроитель, работал на оборонном заводе («Большевик»). Жили, как все — голодали. В январе 1944 года, когда сняли блокаду Ленинграда, семью эвакуировали по льду Ладожского озера».

Но даже те, кому удалось выжить при эвакуации, с болью возвращаются в памяти к тем далеким дням. Каждая строчка воспоминаний Ольги Георгиевны Бовиной (ныне пенсионерки, заявлющая садовода) до сих пор дышит тревогой и страданием. Коренная ленинградка, она встретила войну в пионерском лагере. С трудом вернулась в город. А дальше...

«Во-первых, надо было сделать выбор: ехать или остаться. Во-вторых, если ехать,

то безоговорочно подчиняться предписаниям эвакуационного штаба. А это — уехать в назначенное время, вещей не более 16 кг на человека, иметь старшего в каждой семейной или собравшейся ячейке. Конечно, в нашем случае ответственной была мама, т.к. в состав нашей «команды» входили ещё две бабушки, три ребёнка и подросток: это моя двоюродная сестра Ксана (10 лет), родная сестра Маша (4 года), я (13 лет) и брат Леша (16 лет). Необходимость выезда была очевидна, но мамин мать наотрез отказалась ехать и, естественно, сердце моей матери разрывалось на части... Но мы уехали».

Поезда с эвакуированными были переполнены, двигались медленно, никакого расписания не придерживались. Выбегавшие из вагонов за водой или едой люди очень часто отставали от составов.

«А отстать было очень просто, — продолжает Ольга Георгиевна свое повествование. — На больших станциях Ксана, Леша и я, подхватив свои кастрюли, вместе с другими из нашего поезда бежали к месту раздачи пищи. Иногда надо было пересечь больше десятка путей, при этом часто пролезая под стоящими вагонами. Но мы никогда не знали (потому, что не знали и проводники) когда уедет наш состав и когда двинется те, под которыми мы! А на обратном пути, если нам везло, мы ещё тем же способом тащили кастрюлю со шами и в чем-нибудь — второе... Прошло много лет, но долго-долго, иногда и теперь мне снится один и тот же страшный сон, в котором я или попадаю под колеса, или прибегаю к нашему составу, а он ушёл... без меня! ... С большим волнением и до сих пор я вспоминаю те моменты, когда наш эвакуационный поезд встречался во время остановки на одном перроне с поездами, где ехали с фронта и на фронт. Когда выходящие проветриваться мы и наши попутчики видели искалеченных фронтовиков, было невыносимо тяжело, и каждая мать видела в них сына, жена — мужа, дети — отца. А они? Они ведь тоже видели в нас семьи».

Куда же направлялись эти переполненные, медленно ползущие, душные и дымные поезда? Большая часть из них отправлялась на Урал и за Урал.

И что же наша необъятная Сибирь?

Уже в августе месяце 1941 года в Новосибирск стали прибывать составы с эвакуированным гражданским населением блокадного Ленинграда и других районов Центральной России, а также с оборудованием предприятий авиационной, электронной, станкостроительной, пищевой промышленности, проектных учреждений, объектов культуры и науки. Трудная и ответственная работа легла на плечи новосибирского промышленного и партийного актива, выступивших тогда фактически в роли сибирского правительства. В кратчайшие сроки нужно было найти свободные площадки для размещения в первую очередь оборонных предприятий, осуществляя их кооперацию с уже существующими на территории области заводами и фабриками и предусматривая необходимость дальнейшего развития. Всего за время войны в Новосибирске были размещены около полусотни промышленных (в основном оборонных) предприятий и уже 20 из них начали давать продукцию осенью 1941 года.

Вместе с оборудованием прибывали в город и специалисты и рабочие этих предприятий. В частности, из блокадного Ленинграда Новосибирск принял около 17 тысяч работников. Все они нуждались в жилье, пище, многие приехали практически с пустыми руками. И Сибирь приняла всех, всех старалась приютить (они и углу были рады!), накормить (а ведь население увеличилось почти вдвое!), одеть (приближались холода), а ещё учить, лечить... Но главное — надо было срочно налаживать производство военной техники, снарядов... «Все — для фронта, все — для победы!». В холодных цехах, иногда имеющих только крышу, к станкам встали женщины и подростки.

Вот как описывает трудности работы на военном предприятии того времени Вениамин Викторович Каменский (к.т.н., учёный секретарь (1962—1966), зам. директора института (1967—1991), зав. лабораторией машиностроения (1978—1989)):

«... Я приступил к работе электромонтером 4-го разряда в отделе главного электри-

ка филиала № 2 ЦАГИ им. Н.Е. Жуковского. Специальность и место работы мне настоятельно рекомендовал отец. Он сам был электриком. Начались рабочие будни. ... И сразу выяснилось, что многие заводы я не учёл, когда решил идти работать. Я рассчитывал на шестичасовой рабочий день, как несовершеннолетний. А выяснилось, что нужно работать по 10 часов. И без выходных. И без отпусков. И от дома до работы очень далеко. Трамвай ходил не всегда, особенно плохо зимой, и зачастую приходилось идти пешком. Но при этом появлялся огромный плюс. Я стал получать «рабочую» продовольственную карточку. А это — 800 г хлеба вместо 400 и много других продуктов. Кроме того, я обедал в заводской столовой. При получении обеда из карточки вырезались талоны: например, мясо — 50 г, крупа — 30 г, сахар — 5 г, и т.д. в зависимости от набора блюд, но добавлялся картофель, капуста и ещё чего-нибудь съедобное».

Трудности обрушились и на жителей рабочих посёлков, сел и деревень. Им, возможно, было ещё труднее, чем горожанам, поскольку сюда эвакуировали в основном нетрудоспособное население. Но жизнь есть жизнь. И здесь сибиряки потеснились, поделились всем, что у них было. Вот что рассказывает о прибывших в 1941 году блокадниках Михаил Владимирович Курленя (академик, зав. лабораторией механики горных пород (1970—1988), зам. директора (1977—1988), директор института (1988—2003)), проживающий в то время в р.п. Болотное:

«... Много пришло ленинградцев к нам в Болотное. Расселяли их повсеместно, «уплотняя» местное население, за исключением многодетных семей. Но и в этом случае никто не отказывал в помощи. Наша мама делилась с эвакуированными продуктами. У нас корова была удойная, и мама часто угощала соседей-ленинградцев молоком, изредка другими молочными продуктами. Помню, с какой благодарностью эти обездоленные войной люди относились к нам. Предлагали свою помощь там, где они что-то умели: шитье, работа по хозяйству, помощь в уходе за детьми. А по весне, когда пришла пора копать огород, стремились взять на себя хоть часть этой нелегкой работы, несмотря на то, что сил у них, переживших суровую зиму в непривычном климате, было не так много».

Но главный вклад сибиряков в победу, безусловно, — военная продукция. Однако, чтобы она поступала на фронт непрерывно и в требуемом количестве, работа оборонных предприятий не прекращалась днём и ночью. Обеспечить этот непрерывный военный конвейер имеющимися до войны трудовыми ресурсами области и города (даже с учётом эвакуированных вместе с заводами специалистов) не представлялось возможным. Введённые в эксплуатацию неперспективно быстро и постоянно достраивающиеся военные объекты требовали рабочих не только в большом количестве, но и соответствующей квалификации. Для этого на предприятиях создавались ускоренные курсы обучения рабочих специальностям для привлечённых к работе групп гражданского населения. Ощу-

щались также острая нехватка инженерных кадров, подготовку которых осуществляли в Новосибирске Институт военных инженеров транспорта и строительный институт, а также вузы Томска. И здесь большую помощь оказывают специалисты, эвакуированные из Центра России. Высокообразованные, трудолюбивые, с блестящей эрудицией, они органично «встраивались» в коллективы образовательных учреждений.

Безусловно, их глубокие знания и богатый жизненный опыт, традиции Ленинградской инженерной школы оставили свой след при формировании специалистов-машинистов в Сибири, которые наряду с выпускниками Томского политехнического института составили «костяк» машиностроительного направления Института горного дела им. Н.А. Чинакала СО РАН.

Но вырванные из привычной обстановки и не привыкшие к суровым климатическим условиям Сибири, эти люди, безусловно, нуждались в повышенном внимании в быту.

Вот что пишет о том далеком времени главный научный сотрудник лаборатории горной информатики д.т.н. А.В. Леонтьев, вспоминая своего отца — Василия Николаевича, преподавателя Томского политехнического института, ставшего впоследствии сподвижником Н.А. Чинакала и Т.Ф. Горбачёва:

«Определённым позитивным жизненным опытом в период с начала Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. было повседневное общение В.Н. Леонтьева не только в учебных корпусах с местными и эвакуированными преподавателями и учёными. Они, как и наша семья, проживали рядом в институтском городке: энергетик А.А. Воробьев, механик проф. В.Д. Кузнецов, машиностроитель проф. А.М. Розенберг, горняк проф. Д.А. Стрельников, геологи — профессор Ю.А. Кузнецов, М.А. Усов, Ф.Н. Шахов. Во время войны в результате эвакуации к нам в квартиру была определена семья П.Л. Калантарова — профессора Ленинградского политехнического института, автора знаменитого учебника по теоретическому основанию электротехники. А в главном корпусе политехнического института разместили Ленинградское артиллерийское училище, офицеры-преподаватели которого также навещали отца, чтобы вместе покурить, обсудить дела на фронте. Новые знакомства, тесное общение — всё в копилку жизненного опыта. К тому же, работая в профсоюзно, отец всегда живо откликался на просьбы сотрудников, в первую очередь, стараясь помочь семьям эвакуированных».

Пусть эти собранные по крупицам, как мозаичные картины, эпизоды отечественной истории, связанные с её трагическими событиями и прошедшие через жизни сотрудников нашего института, никогда не сотрутся в народной памяти. Пусть знают о них наши внуки и правнуки!

Не успокаивайте память, дорогие потомки! Помните о тех, кто ценой своих страданий вписал героическую страницу в историю нашего великого народа!

А.Н. Дворникова, председатель музейного совета ИГД СО РАН, учёный секретарь института, к.т.н.